

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ОТНОШЕНИЙ С ЕС И РОССИЕЙ

Введение

Турция является одним из наиболее динамично развивающихся государств евразийского пространства. Модель политического поведения Турции как евразийской державы быстро трансформируется от рефлекторной к субъектной: она жестко определяет свои приоритеты в огромном регионе и в определенной степени пересматривает основные направления внешней политики. В течение последних восьми лет, с приходом к власти в 2002 году Партии справедливости и развития (АКР), Турция проводит прагматичную внешнюю политику, ориентированную исключительно на удовлетворение и защиту стратегических интересов государства.

При анализе основных направлений внешней политики Турции необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, Турция все больше осознает свою значимость и роль в Евразии, где она по своим ресурсам и возможностям может быть вторым ключевым, после России, актором. Во-вторых, динамика политических процессов в Турции и взаимосвязанность их внутренних и внешних аспектов настолько высока, что зачастую внутривнутриполитическая ситуация определяет и меняет направления внешней политики или, по меньшей мере, вносит серьезные коррективы в ее имплементацию. В-третьих, на протяжении едва ли не всего периода своего существования Турция только при сильном давлении извне начинала проводить серьезные реформы в политической и социальной сферах; при этом результат реформ далеко не всегда оправдывал ожидания тех, кто оказывал давление.

Особенность данного периода состоит в том, что инициатором большого спектра реформ¹, касающихся внутривнутриполитической жизни

¹ Принятый в мае 2010 года парламентом пакет поправок, подготовленный правящей Партией справедливости и развития (ПСР), вносит более 20 изменений в действующую конституцию, принятую после военного переворота 1980 года. Изменения касаются реформирования системы правосудия, в частности

страны, являются парламент и правительство, в большинстве состоящие из членов умеренной исламской Партии справедливости и развития².

Основными векторами внутренней политики Турецкой Республики являются: а) проведение масштабных демократических преобразований в сфере прав человека, в первую очередь, национальных меньшинств, а также в законодательной и судебной сферах; б) проблема взаимоотношений по оси «государство – армия» с целью снижения роли армии во внутренней и внешней политике; в) сбалансированность соотношения религии и государственной власти.

Правительство подчеркивает свое намерение добиваться членства Турции в Европейском Союзе, и демократические преобразования, пакет которых был вынесен на референдум 12 сентября 2010 года и был одобрен большинством населения, необходимы для приведения конституции страны в соответствие с Копенгагенскими критериями. В то же время, с точки зрения премьер-министра Р.Т.Эрдогана и его сторонников, демократизация нужна, в первую очередь, самому турецкому обществу и государству для соответствия новой «старой» роли региональной державы с учетом уникального географического положения, уровня экономического развития, человеческих ресурсов, а также военной мощи страны. В то же время, попытки демократизации государства, в том числе и в сфере прав национальных меньшинств, рост исламизма, снижение роли армии как гаранта секулярного характера государства далеко не однозначно воспринимаются в обществе, и приводят к консолидации сил, оппозиционных Партии справедливости и развития³.

Конституционный суд и Высшего совета судей и прокуроров, предусматривают возможность возбуждения уголовных дел в отношении военных гражданскими судебными инстанциями, проведения суда над организаторами последнего военного переворота, передают полномочия по возбуждению дел о роспуске политических партий от Апелляционного суда парламенту. Конституционная реформа, кроме того, вводит институт омбудсмена и признает за госслужащими право на заключение коллективных договоров и проведение забастовок.

² Сами представители правящей Партии справедливости и развития преподносят себя в качестве мусульманского эквивалента европейских консерваторов, в частности, христианских демократов. Исходя из этого, ряд авторов предпочитает использовать определение «исламские консерваторы» в приложении к членам этой партии.

³ 'Yes,' 'No' in dead heat ahead of Turkish referendum. <http://www.hurriyetdailynews.com/n.php?n=gaffes-will-affect-the-fate-of-referendum-says-pollsters-2010-09-01>

Однако в отличие от внутренней политики, где практически каждая проблема вызывает острейшие дебаты, основные направления внешней политики, где идет процесс переоценки и пересмотра шкалы приоритетов, одобряются подавляющим большинством населения. Точнее, в силу напряженной внутривластной ситуации, по ряду внешнеполитических вопросов турецкое правительство не может игнорировать общественное мнение.

По мере появления и накопления «недопонимания» в отношениях с США⁴ и ЕС, а также благодаря происходящим серьезнейшим внутривластным сдвигам, Турция начинает более жестко отстаивать свои стратегические интересы. На фоне валютных переговоров о членстве Турции в ЕС,

- выстраивание стратегических отношений с Россией,
- начало пересмотра отношений с Ираном и Сирией,
- участившиеся конфликтные ситуации с Израилем,
- активная вовлеченность в регион Расширенного Причерноморья,
- перспективы расширенного сотрудничества с большинством бывших советских республик Южного Кавказа и Центральной Азии,
- возвращение после почти десятилетнего перерыва к очередной попытке имплементации так называемого «тюркского пояса»,

позволяют Турции рассчитывать на серьезные политические и экономические дивиденды на пространстве Евразии.

Безусловно, основными внешнеполитическими проблемами для Турции продолжают оставаться полноправное членство в Европейском Союзе, война в Ираке, Кипрская и курдская проблемы, борьба с терроризмом в лице Курдской рабочей партии (РКК), а также трафикинг.

На первый взгляд, южнокавказское и центральноазиатское направления для этого государства все еще являются периферийными, и активизируются как в позитиве, так и в негативе только по мере появления и/или углубления проблем с основными внешними игроками – США и Европейским Союзом. Тем не менее, прослеживается явная тенденция к развитию не только двусторонних отношений с государствами Южного Кавказа и Центральной Азии,

⁴ В данной статье не рассматриваются турецко-американские отношения.

но и к попыткам проводить региональную политику с перспективой на главенствующую роль в этих двух регионах.

Однако Турция не является доминирующим внешним актором пространства Южного Кавказа. Стратегические интересы Турции и ее претензии на роль региональной державы в определенной степени входят в противоречие со стратегическими интересами России или накладываются на них. Соотношение интересов России и Турции на Южном Кавказе создает дополнительный конфликтный потенциал и способствует углублению разделительных линий не только между Турцией и Россией, столько между самими государствами региона.

В то же время, стратегические интересы Турции совпадают с интересами Европейского Союза, который готов предоставить ей *carte blanche* в проведении активной политики и выстраивании как двусторонних отношений с Азербайджаном, Грузией и Арменией, так и в создании благоприятного экономического климата в регионе. В целом, комбинация «Турция – ЕС- Южный Кавказ» не содержит в себе конфликтного потенциала.

В данной статье будут рассмотрены некоторые аспекты южнокавказской политики Турции с учетом ее взаимоотношений с Европейским Союзом и Россией.

Отношения Турция – ЕС как стимул для диверсификации турецкой внешней политики

ЕС – Турция

Результаты парламентских (2003) и президентских выборов (2007) в Турции и закрепление во власти умеренных исламистов внесли некоторые коррективы в отношения Турция – ЕС. С одной стороны, еще больше обозначились имеющиеся у обеих сторон объективные препятствия для перевода переговоров в завершающую стадию⁵. С другой, стали создаваться политические, экономические

⁵ Ситуация по переговорам выглядит следующим образом: из 35 пунктов, подлежащих согласованию между сторонами, согласован только 1, по 12 пунктам – переговоры открыты, по остальным даже не начинались. EU-Turkey Associative Council, May 10, 2010, Brussels.

http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/114363.pdf

и социальные предпосылки для пересмотра Турцией своих перспектив на восточном направлении⁶, и в частности, на Южном Кавказе.

В числе наиболее сложных вопросов между ЕС и Турцией нужно отметить, во-первых, противоречия между концепцией ЕС как общеевропейской структуры и идентичности, не поощряющей национализм, и заложенными в основе кемализма идеями сильного государства и единой турецкой нации.

Во-вторых, мусульманская идентичность Турции рассматривается как угроза общеевропейским ценностям⁷. В Европе усиливается тенденция к ограничению и удерживанию роста исламского фактора в повседневной жизни. Это проявляется, в первую очередь, в дебатах по запрету ношения паранджи в общественных местах и уже в принятии соответствующих законов парламентами Франции и Бельгии.

В-третьих, Турция не воспринимается как европейское демократическое государство большинством государств ЕС⁸, и на Турцию оказывается давление, особенно в тех вопросах, которые касаются национальных меньшинств, свободы слова и вероисповедания, а также прочих демократических свобод.

В целом, с учетом и Кипрской проблемы, в Европейском Союзе нет единого мнения и подхода к вопросу о членстве Турции, и у сторонников и противников есть свои серьезные доводы. С одной стороны, есть мнение, что при вхождении Турции в ЕС, она получит большие возможности лоббирования своих интересов уже в самой влиятельной европейской структуре; Европа столкнется с практически неконтролируемым потоком мигрантов, и серьезными демографическими проблемами. Серьезным аргументом для противников является вопрос сохранения европейской, а для некоторых и христианской, идентичности Европы. Сторонники членства Турции в ЕС считают, что ее политическое поведение станет более

⁶ См., в частности, интервью Р.Т. Эрдогана немецкой газете "Die Zeit" ("Im Finale halte ich zu Deutschland."), 25 März, 2010, #13, S.4.

⁷ При вступлении Турции в ЕС, по разным оценкам, число мусульман в совокупности увеличится с 5-7% до 20%.

⁸ Согласно оценкам базирующейся в США Freedom House,

прогнозируемым, она является серьезным стратегическим партнером, которого не следует раздражать. Кроме того, они уверены в необходимости культурной и религиозной диверсификации Европы. Перечень расхождений можно продолжить⁹.

В совокупности, в государствах ЕС против членства Турции высказались в 2005 году более 52% опрошенных¹⁰, прослеживается тенденция к увеличению этой цифры. Так, согласно проведенному в августе-сентябре 2008 года опросу в пяти государствах Европейского Союза (Франции, Германии, Великобритании, Польши и Испании) и охватившем 5,000 респондентов, на вопрос о возможном членстве Турции в ЕС положительно ответили 47% и столько же были против. 6% затруднились с ответом. На вопрос, должен ли вопрос о членстве Турции в ЕС быть вынесен на референдум, ответы разделились более четко: «против» высказались 64% во Франции, 62% в Германии и 46% в Великобритании. Наибольшую поддержку Турции высказали в Польше (54%) и Испании (53%)¹¹. Расхождения очень сильны и среди высших представителей руководства европейских государств: категорически против вступления Турции в ЕС выступают канцлер Германии А.Меркель и президент Франции Н.Саркози, готовые предоставить Турции статус «привилегированного партнера». Лоббируют интересы Турции Великобритания (премьер-министр Д. Камерон) и Польша (президент Б. Комаровский).

Создается впечатление, что Европейский Союз, признавая, что а) Турция является одним из ключевых акторов в отношениях с государствами Ближнего Востока, в частности, с Ираном и Сирией; б) играет стратегическую роль в регионе Расширенного Причерноморья; в) является важнейшим транзитным путем для поставок энергоносителей из зоны Каспия, г) является приемлемым партнером-соперником для России, стремится обезопасить себя от

⁹ См., в частности, Ingmar Karlsson. *Turkey in Europe but not of Europe?* TESEV-Lund University, Istanbul, May 2009, pp.12-15.

¹⁰ <http://www.guardian.co.uk/world/2005/jul/19/turkey.eu>

¹¹ *Europeans split over Turkey. EU membership: poll.* Опрос проводился тремя университетами, и результаты были опубликованы 24 января 2010 года на сайте *EU Business*. См: <http://www.eubusiness.com/news-eu/enlarge-turkey.2ed/> Доступ 5 сентября 2010 года.

«турецкой угрозы» путем переориентации Турции и создания таких рамок регионального сотрудничества, в которых Турция будет играть ведущую роль¹².

Одной из зон приложения турецких интересов, «удобной» для Европейского Союза, является Южный Кавказ.

Турция – ЕС

В отношениях с Европейским Союзом Турция пока еще демонстрирует готовность соответствовать тем требованиям и нормам европейского сообщества, которые не ущемляют ее идентичности, и разделять их. Важно то, что турецкое руководство не скрывает своей заинтересованности в реформах, но не увязывает их напрямую с вопросом членства Турции в Европейском Союзе.

В то же время, в самом государстве растет число тех, кто не считают членство в ЕС абсолютным приоритетом. Если рассмотреть ситуацию, которая возникла после начала активной фазы переговоров о членстве в ЕС в декабре 2005 года и их последующего приостановления, четко прослеживаются следующие тенденции.

Первое. Экспертное сообщество и представители гражданского общества Турции поддерживают реформы, которые проводит исламистское правительство, считая, что они способствуют прогрессу во внутривнутриполитической и экономической сферах страны. В этом контексте позиция Европейского Союза не воспринимается как принуждение к проведению широкомасштабных реформ по демократизации страны, поскольку реформы являются насущной необходимостью самой Турции, вне зависимости от того, станет ли она членом ЕС, или нет¹³.

В то же время, турецкое общество ожидает, что проведение реформ будет оценено Европейским Союзом, чего пока не

¹² В качестве таких проектов, в частности, следует рассматривать проекты ЕС Расширенное Причерноморье и Средиземноморское партнерство.

¹³ «Если Турция нуждается в Европе, чтобы привести в порядок вопрос, связанные с основными правами человека, то это позор для Турции». См. интервью руководителя Турецко-немецкого фонда образования и научных исследований Фарука Шена в Zaman, September 12, 2010. <http://www.todayszaman.com/tz-web/news-221399-researcher-sen-says-turkey-does-not-need-eu-membership.html>

происходит. Подавляющее большинство турецких аналитиков и официальных лиц считают, что в снижении интереса общества и, в некоторой степени, энтузиазма властей к вхождению в ЕС виноват сам Европейский Союз, не оценивший по достоинству усилий страны, прилагаемых для соответствия Копенгагенским критериям. По мере затягивания переговоров растет разочарование внутренней неготовностью этой европейской структуры идти на сближение с Турцией. Опросы, проводимые в последние 5-6 лет, показывают явную тенденцию к снижению процента граждан государства, положительно относящихся к членству Турции в ЕС¹⁴. Кроме того, представители некоторых аналитических кругов Турции считают, что членство в ЕС уже не нужно этой стране, которая динамично развивается.

Турция очень болезненно отреагировала на предложение президента Франции Николя Саркози изъять из Рамочного соглашения о переговорах ЕС – Турция (EU-Turkey Negotiation Framework Agreement) слова «вступление» и «членство» в приложении к Турции, а также приостановить переговоры по открытым для согласования пунктам. Очередной взлет негативизма в отношении ЕС был вызван совместным заявлением Н.Саркози – А.Меркель о невозможности вхождения Турции в «европейский клуб». Данный подход, обозначенный как «синдром Саркози», по мнению одного из ведущих турецких аналитиков – профессора Кемала Кирисчи, играет на руку евроскептикам в Турции и способствует повышению роли тех структур и кругов, которые считают, что осуществление преобразований наносит непоправимый вред государству. Кроме

¹⁴ В 2002 году более 70% граждан Турции высказались за членство страны в ЕС <http://www.globalsecurity.org/anlitary/library/news/2002/12/mil-021202-3c5eb928.htm>
В сентябре 2006 года проведенный турецкой газетой Milliyet опрос выявил следующую тенденцию: позитивное отношение к ЕС снизилось с 60% до 32%. Для 33% было неважно, станет ли Турция членом ЕС или нет.
ZEI EU-Turkey Monitor, November 2006, Vol.2, No 3. Согласно проведенному по заказу BBC с 10 по 28 ноября 2006 года расширенному опросу, в Турции к ЕС положительно отнеслись 30% (вместо 40% в предыдущий период), отрицательно – 32% (против 16%), и 38% отказались ответить на вопрос. Опрос проводился среди 1000 жителей 11 городов, в которых проживает 30% населения страны.

того, он отмечает чувствительную реакцию в обществе на имидж государства¹⁵.

В ответ на это, руководство Турции на фоне растущего в обществе недоверия и скепсиса в отношении ЕС ужесточает риторику. Турция в лице своего премьер-министра Р.Т.Эрдогана и других высокопоставленных чиновников, заявляя о приоритетности европейского направления, оговаривает, что Турция не согласна на какой-либо иной статус, кроме членства, не потерпит более никаких дополнительных пунктов для согласования, в случае продолжения затягивания переговоров пересмотрит свои взаимоотношения с этой структурой. Сильнейшее разочарование вызвали итоги официального визита канцлера Германии Ангелы Меркель в Турцию весной 2010 года, в ходе которого в очередной раз было озвучено предложение о предоставлении Турции «привилегированного партнерства» в рамках Европейского Союза. Министр по европейским делам сразу же после совместной пресс-конференции А. Меркель и Р.Т.Эрдогана в Стамбуле по итогам официального визита канцлера сделал резкое заявление: «Такого понятия как «привилегированное партнерство» не существует. Я чувствую себя оскорбленным, когда предлагается то, что не существует»¹⁶. Кроме того, Турция резко осуждает нежелание лидеров двух ведущих европейских государств видеть эту страну среди членов ЕС, что в сочетании с отсутствием окончательного соглашения по Кипру, «меняет отношение (к ЕС – Г.Н.) в отечестве»¹⁷.

Второе. В Турции происходит закономерный процесс возвращения к исламу, поскольку навязанная в свое время Кемалем Ататюрком модель светского государства искусственно заглушила и

¹⁵ <http://www.reflectioncafe.net/2008/02/turkish-perspective-on-eu-turkey.html>

¹⁶ "Turkey's EU bid overshadows Angela Merkel visit" <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8592170.stm>
"Such a thing as privileged partnership does not exist," said Egemen Bagis, Turkey's minister for European affairs. "So we do not take that option seriously because there is no legal foundation of it. At times I feel insulted for being offered something which does not exist." См. также комментарии по итогам визита А. Меркель в Die Zeit, #14, (Besuch beim Pascha), 31 Marz, 2010, S.4.

¹⁷ Tony Barber, "Turkey warns on 'dilution' of EU goal," *Financial Times*, 7 November 2007.

Turkish Daily News, April 17, 2008

загнала на периферию все, что было связано с заложенной в самой этой религии политической и социальной функциями. Закономерно, что политический ислам занимает все большее место в стране. Согласно проведенному Турецким фондом экономических и социальных исследований (TEPAV) опросу, с 2002 по 2008 год в стране почти на 10% возросло число граждан, которые сначала идентифицируют себя в качестве «мусульман», а затем уже «турок» или «граждан Турции»¹⁸.

Что касается роли конфессионального фактора в отношениях Турция – ЕС, то, по мнению турецкого руководства, политика европейских правительств, направленная на сохранение христианской идентичности Европы, является близорукой и, к тому же, искусственно ограничивает культурное и религиозное многообразие Европы.

Параллельно усилению роли ислама во внутривнутриполитической жизни страны, турецкое руководство пересматривает отношения с ведущими мусульманскими государствами и наращивает отношения с тюркскими государствами бывшего Советского Союза, что также воспринимается позитивно в обществе.

Третье. Как уже отмечалось, под давлением Европейского Союза начались реформы в турецкой армии, которая видела свою миссию не только в защите территориальной целостности страны, но и рассматривала себя в качестве гаранта ее секулярного и унитарного характера. Кроме того, армия была крупнейшим инвестором в турецкую экономику и ее прямым участником. И наконец, армия в лице Совета национальной безопасности, формировала и контролировала все внешнеполитические вопросы, страны¹⁹. В частности, оценивая роль армии в процессе преобразований в Турции, тогда министр иностранных дел, а ныне заместитель премьер-министра

¹⁸ Svante Cornell, Halil Magnus Karaveli. Prospects for a 'Torn' Turkey: A Secular and Unitary Future? Silk Road Paper, October 2008, p. 43-44.

¹⁹ См. F.Stephen Larrabee, Ian O.Lesser. Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. Rand, Washington, Pp. 27-44. Mustafa Aydin. Twenty Years before, Twenty Years After: Turkish Foreign Policy at the Threshold of the 21st Century. In: Turkish Foreign Policy in the 21st Century. A Changing Role in World Politics. Ed. by T.Ismail and M.Aydin, Burlington, 2003, Ashgate, p.16.

Али Бабаджан заявил, что она «была сторонником процесса вступления Турции в ЕС... хотя это и не столь однозначно»²⁰.

От поведения армии и ее отношения к реформам все еще во многом зависит направление развития страны. Военные выказывали, в частности, недовольство тем, что армия выталкивается исламистским правительством на второй план; их не устраивала позиция руководства в отношении вторжения американских войск в Ирак, их беспокоит заметно углубляющееся «непонимание» с Израилем, тем более, на фоне растущей и иницируемой Турцией активности в отношениях с Ираном и Сирией. Высказываются опасения, что правительство Эрдогана способствует исламизации страны, а также ведет к национальному разрушению, проводя более толерантную политику в вопросах национальных меньшинств и признавая этническое разнообразие Турции²¹.

В свою очередь, правительство целенаправленно работает на снижение роли армии во внутри- и внешнеполитических процессах, оставляя за ней только оборонную функцию. Свидетельством растущих разногласий между военными и правительством являются обвинения в адрес ряда представителей генералитета в подготовке военного переворота, увольнения, аресты и процессы над ними²².

²⁰ Turkey warns against EU 'club of Christians,' AFP, January 28, 2008. (The Turkish military has been a good supporter of Turkey's EU accession process ... although it is not a black and white thing).

²¹ Dangerous neighborhood: contemporary issues in Turkey's foreign relations. Michael S. Radu, editor. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2003, p. 4. Еще больше усложняет ситуацию тот факт, что последняя классификация разговорных языков (что отнюдь не означает совпадение языка среди представителей этнических групп) с охватом территории всей Турции была проведена в 1965 году; большинство данных, обнародованных после этого периода, содержат множество неточностей. В то же время, как показывают социологические опросы, произведенные по запросу Совета Национальной безопасности Турции в 2008 году тремя университетами Турции, растет этническое самосознание населяющих ее национальных меньшинств. Milliyet2008-06-06.

<http://www.milliyet.com.tr/default.aspx?aType=SonDakika&Kategori=yasam&ArticleID=873452&Date=07.06.2008>. Retrieved August 21, 2010.

²² См. подробнее информацию по турецкой прессе «Эргенекон», а также "Der Spiegel," #9, 1 März 2010, (Der Sultan and die Paschas), Ss. 94-96.

Таким образом, в отношениях ЕС и Турции достаточно противоречий. Три основные тенденции развития Турции – демократизация, усиление политического ислама и снижение уровня вовлеченности армии во внутривнутриполитические дела – могут иметь далеко идущие последствия в случае, если обещанный «пряник», а именно членство в ЕС, не будет получен. При определенном стечении обстоятельств страна может скатиться как в сторону военной диктатуры, так и радикального ислама. Тогда Турция может представлять если не угрозу, то серьезную проблему не только для ЕС, но и своих непосредственных соседей.

Скорее всего, взаимное отталкивание Турции и ЕС как общеевропейской организации, то есть, говоря иначе, на уровне «межличностных» отношений, в среднесрочной перспективе будет продолжаться. В контексте данной статьи важно отметить, что в случае получения статуса полноправного члена Европейского Союза, Турция, несмотря на все свои ресурсы, останется в маргинальном положении в рамках этой организации. Понимая это и сохраняя членство в ЕС в качестве одной из своих приоритетных задач, Турция, тем не менее, приняла «вызов» Запада. Она начала перестраивать свою внешнюю политику в тех направлениях, куда идут основные потоки рабочей силы и капитала и где наращивается торговля. Фактическое затягивание переговоров со стороны ЕС вынуждает Турцию разворачиваться в первую очередь, в направлении России, Ближнего Востока, Южного Кавказа и Центральной Азии, а также государств Восточной Европы.

Турция – Южный Кавказ: сквозь призму взаимоотношений с ЕС

Южный Кавказ исторически является зоной турецкого влияния, своеобразным *front yard* Турции, который, в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств, выпал надолго из сферы стратегических интересов этой региональной державы. После развала СССР лишившись своей функции стража границ НАТО на восточном направлении, и на фоне вялотекущих переговоров о членстве в Европейском Союзе, Турция – именно в своем статусе региональной

державы – заметно активизировалась в направлении Южного Кавказа, где для нее открылись значительные политические и экономические перспективы. Для Европейского Союза способность Турции проводить самостоятельную политику в своем *front yard* часто рассматривается в контексте ее возможностей сдерживать натиск России в попытках последней по восстановлению своего влияния по всему периметру бывшего Советского Союза.

Однако для понимания модели поведения Турции в регионе Южного Кавказа необходимо подчеркнуть, что, во-первых, для полной реализации своих региональных амбиций у нее все еще не хватает ни экономической, ни политической мощи. Во-вторых, нарушен один из основных постулатов, заложенных в основу турецкой внешней политики еще со времен Ататюрка: если до развала СССР и всего социалистического блока Турция старалась не вовлекаться в региональные политические процессы и, тем более, региональные конфликты²³, то с начала 1990-х годов она прямо или опосредованно стала участницей этнополитических конфликтов на Балканах (Косово, Босния-Герцеговина), на Южном (Нагорный Карабах) и на Северном Кавказе (Чечня). Она стала проводить активную внешнюю политику, формально обозначенную как «ноль проблем с соседями», но направленную в этих регионах на поддержку мусульманских и тюркских народов. Кроме того, Турция и в формате НАТО действует исходя из своих стратегических задач²⁴. В-третьих, диверсификация направлений внешней политики и усиление в ней исламской и тюркской составляющих в определенной степени способствуют политизации самого турецкого общества, с ростом среди его определенных сегментов националистических и ультранационалистических настроений²⁵.

²³ Единственным исключением, пожалуй, является вторжение турецких войск на Северный Кипр в 1974 году с целью защиты турецкого населения острова.

²⁴ 1 марта 2003 года парламент Турции проголосовал против попыток правительства разрешить американским военным силам использовать территорию страны для атак на Ирак.

²⁵ Mustafa Aydin. *Twenty Years Before, Twenty Years After: Turkish Foreign Policy at the Threshold of the 21st Century*. In: *Turkish Foreign Policy in the 21st Century. A Changing Role in World Politics*. Ed. by T. Ismael and M. Aydin, Burlington, 2003. Ashgate, pp.16-17.

Для государств Южного Кавказа проблема взаимоотношений Турции и ЕС представляет особый интерес, и все три республики приветствовали открытие переговоров Турция – ЕС. Во-первых, с ее принятием в члены Европейского Союза, и Армения, и Грузия, и Азербайджан выходят непосредственно к границе с Европейским Союзом. Во-вторых, Турция, может лоббировать интересы своих южнокавказских партнеров Грузии и Азербайджана в этой структуре. В-третьих, Турция сама по себе уже является весомым экономическим партнером для государств Южного Кавказа; однако ее членство в ЕС может опосредованно увеличить обмен товарными потоками между государствами Южного Кавказа и ЕС (в меньшей степени это касается Армении в силу отсутствия прямых коммуникаций и дипломатических отношений). В-четвертых, при вступлении в ЕС вероятно увеличение потока турецких мигрантов в Европу, что, соответственно, будет открывать рабочие места в Турции для граждан Азербайджана и Грузии, в меньшей степени – Армении.

Южный Кавказ как *front yard* для Турции и России

Как уже отмечалось, в системе безопасности Евразии Турция вполне может удовлетворить свои амбиции региональной державы. В данной структуре она не нарушает так называемой общеевропейской цивилизационной идентичности, не отпугивает Европейский Союз возможными политическими, экономическими и демографическими последствиями своего членства, не вносит раскол в саму структуру ЕС. Однако именно в формате Евразии у Турции есть мощный соперник/союзник в лице России, которая также рассматривает все это пространство как зону своего стратегического влияния и интереса.

Осознавая, что конфронтационный подход не будет способствовать претворению в жизнь их стратегических интересов, два основных актора пространства Евразии – Россия и Турция – постепенно начали преодолевать разногласия, существующие между ними на протяжении всего нового и новейшего периодов истории. Этому способствуют и их сложные взаимоотношения с Европейским Союзом и США. Исторически сложившиеся российско-турецкие

отношения, в определенном контексте способствуют двум параллельным процессам: с одной стороны, происходит углубление двусторонних отношений между Россией и Турцией и вывод их на уровень стратегического партнерства во всех областях, включая вопросы безопасности.

Подписав в октябре 2001 года «План действий по сотрудничеству в Евразии: от двустороннего сотрудничества к многомерному партнерству» или «Евразийский план действий»²⁶, Россия и Турция признали друг друга в качестве евразийских держав, высоко оценивающих безопасность и стабильность в ареале своих геополитических интересов. Они форсировали развитие отношений в экономической, политической сферах, а также в вопросах борьбы с неконвенциональными угрозами, в частности, терроризмом²⁷.

Их интересы совпадают по ряду приоритетных для обеих держав направлений: они негативно относятся к появлению в акватории Черного моря судов государств, не являющихся причерноморскими²⁸; оценивают «цветные революции» на постсоветском пространстве как дестабилизирующие; российско-турецкий тандем негативно воспринимает риторику США относительно необходимости стимулирования демократизации по периметру границ Европы; есть определенное сходство в подходах в

²⁶ Документ (Cooperation Action Plan in Eurasia: From Bilateral Cooperation to Multi-Dimensional Partnership) был подписан 16 ноября 2001 года в Нью-Йорке министрами иностранных дел обеих государств. В нем, в частности, было отмечено: «Радикальные изменения, которые имеют историческую важность, открывают эру возможностей развивать продуктивное, взаимное и региональное сотрудничество в духе дружбы и взаимного доверия во всех сферах отношений между Россией и Турцией. Они непоколебимы в намерении приложить дополнительные усилия для повышения своих отношений на уровень мощного, конструктивного партнерства».

²⁷ Турция признала приоритет России в вопросах урегулирования неразрешенных этнополитических конфликтов на евразийском пространстве (в первую очередь, это касалось поддержки чеченских боевиков и ситуации на Южном Кавказе); Россия, в свою очередь, обязалась ограничивать активность курдских организаций на своей территории.

²⁸ В первую очередь, это касается США, которые намерены активизировать деятельность НАТО в регионе и добиться присутствия собственного флота в Черном море.

оценке и ближневосточной политики США и собственных возможностей по урегулированию кризисов в этой зоне. Кроме того, для Турции абсолютным приоритетом продолжает оставаться сохранение контроля над средиземноморскими проливами.

В целом, обе державы, действуя под флагом евразийской идентичности, стали откровенно демонстрировать свое стремление не допустить появления новых игроков, в первую очередь, США, на пространстве нового формирующегося региона. Несмотря на развертывающееся соперничество, Россия и Турция вышли на тот уровень двусторонних отношений, когда они готовы поддержать позицию друг друга для противодействия давлению США и, в некоторой степени, ЕС. Замечу, что подписание «Евразийского плана действий» стимулирует активность Турции, которая постарается использовать все преимущества своего географического положения, а также военного, политического и людского потенциала для смены статуса нежелательного актора в формате Европейского Союза на статус если не патрона, то равноправного партнера в евразийской системе координат. Соперничество обеих региональных держав на Южном Кавказе принимает завуалированные формы, поскольку обе рассматривают свое сотрудничество в стратегической перспективе и фактически способствуют углублению разделительных линий между государствами самого региона. Можно говорить о том, что обе региональные державы делают, в частности, Южный Кавказ на сферы влияния.

Этому способствовала и российско-грузинская война августа 2008 года, фактически переформатировавшая всю систему безопасности Южного Кавказа²⁹ и изменившая военно-политический баланс в регионе, а также привела к новому витку милитаризации всего региона.

Помимо того, что в условиях экономического кризиса увеличиваются военные закупки всех трех государств региона и статьи расходов государств на оборону, происходит большая концентрация

²⁹ См. Gayane Novikova. The Five-Day War of August 2008, and Shifts in Security in the South Caucasus. *Panorama of Global Security Environment 2009*. Ed. by M.Majer, R.Ondrejcsak, V.Tarasovic, T.Valasek. Centre for European and North Atlantic Affairs, Bratislava, 2009, pp.343-359.

военной техники на Южном Кавказе, наблюдается и расширение иностранного военного присутствия³⁰, в первую очередь, российского и турецкого.

Россия закрепила и легализовала свое военное присутствие в Абхазии и Южной Осетии, и продлила его в Армении. В контексте данной статьи важно отметить, что в соответствии с подписанным в августе 2010 года российско-армянским Протоколом о внесении изменений в Договор о российской военной базе в Армении был не только продлен срок ее присутствия, но и была расширена сфера ее географической и стратегической ответственности. В частности, согласно новой редакции статьи третьей данного Протокола, база, помимо осуществления функций по защите интересов Российской Федерации, обеспечивает совместно с Вооруженными Силами Армении безопасность Республики Армения по всему периметру ее границ³¹.

На этом фоне усиленно муссируются не лишние оснований слухи о возможном создании турецкой военной базы на территории Нахичеванской Автономной Республики Азербайджана в свете принятия им в июне 2010 года военной доктрины, допускающей, вопреки конституции страны, развертывание иностранных баз на территории страны.

Безусловно, ни Россия, ни Турция не позволят втянуть себя в военное противостояние на территории Южного Кавказа, однако расширение их военного присутствия является свидетельством качественно нового баланса сил в регионе и вносит коррективы в ситуацию вокруг урегулирования армяно-турецких отношений и Нагорно-Карабахского конфликта.

Южный Кавказ в политике Турции

Стратегический треугольник: Турция – Азербайджан – Грузия

В отношениях Турции с Азербайджаном и Грузией все относительно понятно и взаимозависимо – Турция рассматривает оба

³⁰ Пассивное военное присутствие США на Южном Кавказе не влияет на военно-политическую ситуацию региона.

³¹ Ранее функционирование базы ограничивалось внешними границами бывшего СССР, в новой редакции это ограничение извлечено из текста Соглашения.

государства в качестве младших партнеров. Появление ряда энергетических и коммуникационных проектов, «завязанных» на Турции, поставили оба государства фактически в зависимое от нее положение. Выстраивая отношения с ними, Турция, во-первых, решает собственную стратегическую задачу превращения в хранилище Каспийских энергоресурсов с перспективой их расширенных поставок в ряд европейских государств³². Во-вторых, те же коммуникации обеспечивают Турции прямой выход в государства Центральной Азии, увеличивая долю турецкого капитала в неэнергетическом секторе и Грузии, и Азербайджана, Турция получает дополнительный рынок для своих товаров и услуг. В-третьих, Турция является одним из основных поставщиков вооружения для Грузии и Азербайджана, имеет военные объекты в обеих республиках.

Помимо всего перечисленного выше, в турецко-азербайджанских отношениях определяющими являются также тюркская и мусульманская идентичности, которые доминируют на уровне массового сознания. Именно эти два аспекта и использует азербайджанское руководство, которое стремится к максимальному вовлечению Турции во внутривосточные процессы и старается приспособить турецкую модель государственного устройства к азербайджанской действительности. Стоит отметить, что в стране, особенно в столице и в северных регионах, усиливается роль суннитского ислама; армия Азербайджана строится по НАТО-вскому/турецкому образцу, в стране работают турецкие военные инструкторы; очень сильно культурное влияние Турции. Однако одним из основных направлений, в которых Азербайджан нуждается в поддержке Турции, является проблема урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта.

В целом, любые противоречия, возникающие на уровне двусторонних отношений во всех сферах жизни этих двух государств, решаемы. Азербайджан не может позволить себе игнорировать интересы Турции ни в одном из вопросов. В свою очередь, Турция не может игнорировать реакцию в обществе на

³² Terry D. Adams. Caspian Oil and Gas Development and the Black Sea Region: an Overview. In: Europe's Black Sea Dimension. Brussels, CEPS, 2002, pp. 47-52, 60-68.

процессы, происходящие в Азербайджане и вокруг него, особенно в вопросах, касающихся армяно-азербайджанских отношений. Общественное мнение в стране однозначно ориентировано на поддержку Азербайджана в вопросе Нагорно-Карабахского конфликта. На первый взгляд, совпадение позиций Азербайджана и Турции вокруг урегулирования конфликта дает Азербайджану иллюзию того, что он может оказывать давление на Турцию. Однако подчеркну, что Турция выстраивает свои отношения с сопредельными государствами исключительно исходя из собственных стратегических интересов, и в турецко-армянских отношениях присутствует не только фактор Нагорного Карабаха.

Что касается двусторонних турецко-грузинских отношений, то с турецкой стороны доминирует стремление использовать территорию этого государства для транзита азербайджанских/казахстанских энергоресурсов, а также для создания своеобразного тюркского моста и транзита турецких товаров в Азербайджан и далее в направлении Центральной Азии. Кроме того, усиление турецких позиций в Грузии уравнивает усиление российского влияния в Армении.

В свою очередь, стабильно плохие грузино-российские отношения хотя и дают Грузии дополнительную маневренность в выстраивании отношений с Западом, однако, одновременно вынуждают ее переориентировать свои коммуникационные приоритеты в сторону Турции. Одним из объективных последствий этого становится усиление ее экономической, а затем и политической зависимости от Турции и Азербайджана. Это уже проявляется в том, что руководство Грузии, приветствуя заявления Турции о территориальной целостности своей страны, предпочитают не замечать и не обсуждать вопрос увеличивающихся турецких капиталовложений в Абхазию. Грузия всячески старается избегать и обсуждения с Турцией проблемы репатриации турок-месхетинцев в Грузию.

Следует добавить, что в стратегическом треугольнике Турция – Азербайджан – Грузия Турция воспринимается своими партнерами в том числе и как связующее звено между ними и НАТО.

Армяно-турецкие и турецко-армянские отношения: цена вопроса

На Южном Кавказе для Турции наиболее проблематичным является армянское направление. Вплоть до начала 80-х годов прошлого столетия оно фигурировало в гораздо большей степени в контексте взаимоотношений с армянской диаспорой вокруг проблемы международного признания Геноцида армян в Османской империи, чем с Армянской ССР. Появление на карте независимой Республики Армения не способствовало установлению двусторонних дипломатических отношений. Более того, вовлеченность Армении в Нагорно-Карабахский конфликт привела к закрытию Турцией в одностороннем порядке в 1993 году границы с Арменией. Все последующие контакты между двумя государствами были прямо или косвенно связаны с ситуацией вокруг урегулирования данного конфликта, и опосредованы отношением Турции с третьим государством – Азербайджаном.

В этом контексте нормализация армяно-турецких и турецко-армянских отношений является одной из наиболее интересных тем, касающихся Южного Кавказа, и, соответственно, вокруг этого вопроса множество спекуляций, несмотря на то, что они не относятся к числу приоритетных ни для кого из внерегиональных акторов, в частности, США, России, и ЕС. На региональном уровне в их нормализации не заинтересованы ни Грузия, ни Азербайджан. Однако динамика политических процессов на Южном Кавказе в 2008-2010 годах спровоцировала концентрацию международного внимания на взаимоотношениях Армении и Турции и урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта. Непосредственно после завершения российско-грузинской пятидневной войны именно на этом направлении стала наблюдаться беспрецедентная активность, на первый взгляд, инициированная Турцией (предложение Эрдогана по созданию «Платформы стабильности и сотрудничества на Южном Кавказе») и поддержанная Арменией (воплощение в жизнь так называемой футбольной дипломатии). Однако скорость, с которой развивались события на армяно-турецком направлении с 22 апреля 2009 года после появления

информации о готовящемся прорыве, свидетельствует о том, что и на Армению, и на Турцию оказывалось сильное политическое давление извне для принуждения их к компромиссу. На фоне серьезных разногласий вокруг целого ряда проблем, в том числе, ситуации в Грузии, нефтяных и газовых проектов, обострения ближневосточного конфликта и проблемы вокруг Ирана, ЕС, США и России как основным внешним акторам пространства Южного Кавказа, необходима была демонстрация сплоченности и единства подходов, своего рода *success story* на любом направлении. Скорее всего, возникла иллюзия того, что можно будет относительно легко добиться прогресса именно в урегулировании армяно-турецких отношений, тем более с учетом того, что переговоры разной интенсивности между сторонами велись в течение последних 2-3 лет. Если для Армении урегулирование отношений с Турцией могло решить некоторые задачи, в первую очередь, экономического характера, то для Турции урегулирование отношений с Арменией имело второстепенное значение в шкале ее внешнеполитических и внутриполитических приоритетов. Однако под сильным внешним давлением, с одной стороны, и при мощном противодействии изнутри, правительству Турции пришлось предпринять ряд шагов, направленных на урегулирование отношений с Арменией, которые на короткий промежуток времени вышли на передний план.

Стоит обратить внимание на то, что само внешнее давление распределялось неравномерно.

Как уже отмечалось, Европейский Союз вполне устраивает переключение активности Турции на восточное направление, поскольку их интересы, в частности, на Южном Кавказе абсолютно совпадают. В то же время в отношениях ЕС – Турция в проекции на Южный Кавказ есть определенная интрига, связанная с армяно-турецкими отношениями.

Вопрос возможного членства Турции в Европейском Союзе является предметом политических спекуляций и в армянской политической элите, которая приветствует (с некоторыми оговорками) членство Турции в Европейском Союзе. В то же время, до открытия переговоров в 2005 году представители аналитических кругов и государственных структур Армении исходили из того, что

обсуждение вопроса членства Турции в ЕС может способствовать разблокированию турецко-армянской границы. Этого не произошло, однако, сам факт закрытой границы (что противоречит принципам ЕС) стал своеобразным механизмом давления со стороны ЕС на Турцию, несмотря на то, что Армения даже не упомянута в рамочном документе, предопределившим ход переговоров ЕС-Турция. Ряд государств Европейского Союза используют армянский фактор и весь комплекс армяно-турецких противоречий в качестве одного из основных препятствий на пути членства Турции в ЕС. Наиболее ярко это проявляется во француско-турецких отношениях, а в последнее время некоторые нюансы стали проскальзывать и в немецко-турецких. Неудивительно, что в 2005 году, в канун открытия переговоров по членству в ЕС высшее руководство страны выступило с резким заявлением о неприемлемости введения каких-либо дополнительных пунктов в повестку дня.

Со стороны ЕС вопрос урегулирования армяно-турецких отношений будет оставаться завуалированным механизмом давления на Турцию. В свою очередь, он будет использоваться руководством Турции для демонстрации твердости и решимости в отстаивании собственных национальных интересов. История подписания известных Протоколов «Об установлении дипломатических отношений между Турецкой Республикой и Республикой Армения» и «О развитии отношений» между ними является тому свидетельством. Однако стоит обратить внимание, что при нормализации армяно-турецких отношений снимается одно из неозвучиваемых препятствий для членства Турции в данной организации, в частности, ее закрытые границы с Арменией.

Для США урегулирование армяно-турецких отношений означает снятие прессинга со стороны армянской диаспоры по вопросу признания Соединенными Штатами Геноцида армян. На фоне «перезагрузки» двусторонних американо-турецких отношений и информации о готовящейся армяно-турецкой «дорожной карте» обозначение событий 1915 года в обращении президента Б. Обамы как «Мец Егерн» было призвано смягчить напряженность как в лагере сторонников, так и в лагере противников принятия соответствующей резолюции как внутри страны. Однако очевидно, что приоритетом для

администрации США является сохранение и дальнейшее развитие отношений с Турцией, являющейся их ключевым партнером в ближневосточной и в южнокавказской политике. Кроме того, по их мнению, урегулирование отношений между Арменией и Турцией будет способствовать региональному развитию, в чем США, опять – с учетом развития ситуации на ближневосточном направлении, заинтересованы. Именно этим можно объяснить совершенно беспрецедентное давление, оказываемое в течение года на обе стороны, и в конечном итоге, приведшее к подписанию в октябре 2009 года известных армяно-турецких Протоколов об установлении дипломатических отношений между Республикой Арменией и Турецкой Республикой и о развитии отношений между ними. Эти Протоколы являются первым двусторонним документом за всю историю существования Турецкой Республики и независимой Армении.

Важно отметить, что дальнейшее развитие ситуации в армяно-турецких отношениях продемонстрировало ограниченные возможности участия / давления США на Турцию в вопросах, касающихся отстаивания последней собственных стратегических интересов.

Для России нормализация и последующее улучшение армяно-турецких отношений не столь однозначно позитивны, как для ЕС и США. Во-первых, урегулированность отношений между двумя государствами практически никак не отражается на энергетических и коммуникационных возможностях России. Во-вторых, при их нормализации Турция становится единственным актором пространства расширенного Южного Кавказа, не имеющим проблем с соседями, что на фоне российско-грузинских отношений повышает ее стратегические возможности. Правда, Россия сохраняет за собой позиции одного из важнейших, если не важнейшего внешнего актора в Нагорно-Карабахском конфликте, что позволяет ей напрямую контролировать Азербайджан и Армению, и опосредованно тормозить активность Турции в вопросе урегулирования данного конфликта, а, следовательно, препятствовать ее продвижению в регионе Южного Кавказа. В-третьих, для России совершенно очевидно, что Турция не может реально соперничать с ней в Центральной Азии. В целом, в условиях развивающегося стратегического партнерства с Турцией и «перезагрузки» российско-амери-

канских отношений, Россия не может напрямую влиять на процессы, которые имеют место в армяно-турецких отношениях, однако динамика их развития вполне устраивает Россию на данном этапе.

Для самих Армении и Турции, при наличии негативного исторического опыта, нормализация отношений означает качественный пересмотр собственной внутренней и внешней политики. Есть ряд вопросов, которые требуют ответа на уровне армянского и турецкого обществ. Насколько были оправданы ожидания сторон после подписания между двумя государствами и насколько они были сопоставимы? Готовы ли общества, активно культивирующие на протяжении почти столетия «образ врага» завтра – волею своего руководства и не только – стать равноправными партнерами? Как это отразится на отношениях Армении с Нагорным Карабахом и Диаспорой, и на внутривнутриполитической ситуации в стране? Как отразятся эти процессы на отношениях Турции с Азербайджаном и внутри страны – с радикалами?

Однозначных ответов на эти вопросы нет, однако, в целом, Армения играет роль своего рода раздражителя для Турции и рассматривается ею в качестве естественного препятствия для продвижения своих интересов на Южном Кавказе.

Рассмотрим, иные, помимо вопроса признания Геноцида армян, составляющие армяно-турецких и турецко-армянских отношений.

Для Армении урегулирование отношений с Турцией повлечет определенные сдвиги в экономической ситуации:

а) открытые границы с Турцией дают расширенные коммуникационные возможности в условиях блокирования российско-грузинской границы и постоянно балансирующей на грани обострения ситуации вокруг Ирана;

б) возможно выдавливание местных товаров легкой промышленности более дешевыми турецкими (по этому вопросу есть достаточно версий и спекуляций среди сторонников и противников открытия границы),

в) появление трудовых мигрантов – граждан Турции из менее развитых восточных регионов страны может привести к увеличению рынка дешевой рабочей силы в Армении, и увеличить уровень скрытой безработицы в стране;

- в) увеличится поток армянских трудовых мигрантов в Турцию;
- г) увеличится графкинг;
- д) увеличится поток армянских туристов в Турцию.

На внутригосударственном и общественном уровне обсуждение вопроса нормализации армяно-турецких отношений и подписание Протоколов привело в Армении

- а) к еще большей изоляции властей, расколу правящей коалиции, в некоторой степени способствовало сплочению политической оппозиции и большей политизации общества;
- б) усилило разногласия между Диаспорой и Арменией;
- в) усилило разногласия внутри самой армянской Диаспоры.

Для Турции, имеющей несравненно большие коммуникационные и экономические возможности, экономический аспект урегулирования отношений с Арменией не столь значим, как для Армении. Лоббируют открытие границ с Арменией губернаторы слабо развитых восточных провинций, рассчитывая привлечь больше инвестиций в экономику этой части страны.

В Турции обсуждение этого же вопроса и подписание Протоколов было крайне болезненным на уровне общества, и в определенной степени обострило негативное восприятие армян и Армении в целом. В целом, в подходе к Армении и государство, и общество Турции проявляют большую сплоченность. Это объясняется тем, что в массовом сознании турок Армения фигурирует, во-первых, в качестве государства, обвиняющего Турцию в совершении геноцида против армянского народа; во-вторых, в качестве государства, оккупирующего часть дружественного и братского Азербайджана. В настоящее время формируется и третий пласт, связанный с некоторыми сигналами о возможном пересмотре политики в отношении национальных меньшинств, и в целом негативной, вопреки ожиданиям турецкой стороны, реакцией на них армянского государства и общества³³, а также части армянской Диаспоры.

³³ В частности, в контексте демонстрации готовности к демократическим преобразованиям и проявления «доброй воли» осуществляются шаги в сфере прав национальных меньшинств, в частности, было допущено проведение 19 сентября 2010 года армянской литургии в церкви Сурб Хач провинции Ван. Поскольку на

Помимо отмеченной асимметрии в восприятии и заинтересованности в урегулировании отношений, основная интрига состоит в том, что двусторонние отношения между Арменией и Турцией прямо или косвенно опосредованы отношениями каждого из этих государств с Азербайджаном и урегулированием Нагорно-Карабахского конфликта. Это обстоятельство на данном этапе осложняет, если не делает невозможным, достижение прогресса в армяно-турецком процессе примирения, что наглядно проявилось в динамике внутри- и внешнеполитических процессов как в Турции, так и в Армении после подписания вышеупомянутых Протоколов в октябре 2009 года. Не вдаваясь в подробности, следует отметить, что по прошествии года Протоколы не только не ратифицированы Парламентами обоих государств, но, более того, отозваны Арменией³⁴.

В конечном итоге, форсирование налаживания армяно-турецких отношений оказалось иррациональным с политической, экономической, социальной и моральной точек зрения, несмотря на то, что в их урегулировании в большей степени должны были быть заинтересованы именно Турция и Армения. В качестве основной причины провала процесса примирения следует назвать очевидную асимметрию в уровне заинтересованности двух государств в их урегулировании с учетом воздействия на динамику экономического развития и с учетом восприятия самого факта армянским и турецким обществами. Кроме того, решающим для Турции являются стратегические отношения с Азербайджаном, которые и формируют ее позицию по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта. Таким образом, именно эта асимметрия в армяно-турецких отношениях является определяющим фактором и практически

церкви, вопреки обещаниям турецкого правительства, не был установлен крест, официальный Эчмиадзин не участвовал в церемонии. Мероприятие было воспринято в армянском обществе как пиар акция Турции, и в Ереване состоялись акции протеста.

³⁴ «Телевизионное обращение президента Республики Армения Сержа Саркисяна относительно процесса нормализации отношений между Арменией и Турцией». Официальный сайт президента Армении, 22 апреля 2010 года. <http://www.president.am/events/news/rus/?day=22&month=04&year=2010&rid=983>

делает невозможным достижение прогресса на этом направлении даже в среднесрочной перспективе – в 8-10 лет.

Заключение

Уровень политической мобилизации Турции и ее активность на внешнеполитической арене во многом определяется процессами, связанными с ее членством в Европейском Союзе, развитием двусторонних отношений с США и Россией, Кипрской и курдской проблемами, а также процессами, имеющими место в непосредственной близости от ее границ. В целом, усиление стратегического интереса Турции к Южному Кавказу закономерно, однако, несмотря на то, что географически и стратегически Южный Кавказ является *front yard*, в настоящее время активность Турции на Южном Кавказе носит, скорее, вынужденный характер.

В приложении к Южному Кавказу Турция предпочла бы проводить региональную политику, нацеленную на стабилизацию региона. Именно на это ориентированы все предложения турецкого руководства по созданию пактов и платформ стабильности и безопасности, которые, однако, могут осуществиться при нормализации двусторонних отношений между государствами региона, и при поступательном развитии отношений Турции с каждым из них. В плоскости двусторонних отношений Турции с государствами Южного Кавказа есть противоречия, которые, при определенном соотношении политических, экономических и военно-политических проблем способствуют дальнейшей разобщенности между самими региональными государствами, и тем самым отодвигают в неопределенное будущее все варианты регионального сотрудничества, приемлемые для Турции.

Турция уже имеет экономические дивиденды от транзита энергоресурсов зоны Каспия; она контролирует коммуникационные возможности и Грузии, и Азербайджана. Тупиковая ситуация в отношениях с Арменией также в определенной степени оказалась выгодной для нее, поскольку, с одной стороны, позволила продемонстрировать миру собственную готовность к разрешению проблемы, с другой – усугубила положение Армении на международной

арене, в том числе, увеличив давление на нее в вопросе урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта.

В южнокавказской политике Турции в среднесрочной перспективе следует ожидать:

- рост турецких инвестиций в экономику Азербайджана и Грузии, а также Абхазии;
- усиление военного присутствия Турции на территории Азербайджана и Грузии;
- еще большей координации усилий Турции и Азербайджана (при опосредованной поддержке Грузии) в направлении исключения Армении из всех возможных региональных проектов;
- ужесточение позиции Турции по вопросу признания Геноцида армян и открытия турецко-армянской границы, а также продолжения поддержки позиции Азербайджана в вопросе урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта; однако, после подписания армяно-турецких Протоколов она вынуждена действовать менее прямолинейно;
- ускорение процесса по созданию платформы для политической интеграции тюркских государств.

В южнокавказской политике Турции важно и то, что фактическое разделение пространства Южного Кавказа на российскую и турецкую зоны влияния в контексте Realpolitik вполне устраивает и Россию, и Турцию, которые выстраивают свои взаимоотношения совершенно вне зависимости от двусторонних отношений с Арменией, Грузией или Азербайджаном. Кроме того, они обе не заинтересованы в появлении каких-либо третьих внешних акторов на Южном Кавказе.

Обе региональные державы имеют достаточно широкое поле для стратегического маневрирования и разрешения любых возникающих между ними разногласий на этом пространстве. В частности, в ходе официального визита президента России Д.Медведева в Турцию, было заявлено, что «Россия и Турция заинтересованы в укреплении стабильности в Кавказском регионе, в том числе, конечно, и в разрешении нагорно-карабахского конфликта. Мы со своей стороны, я имею в виду Российскую Федерацию, будем этот процесс продвигать, используя все возможности, авторитет и

влияние Российской Федерации. Будем, естественно, консультироваться по этим вопросам и с турецкими партнёрами»³⁵.

Подытоживая, следует отметить, что Турция, став после развала Советского Союза и прекращения блоковой политики неожиданно для самой себя региональной державой, постепенно свыкается с этой ролью. Тем не менее, южнокавказское направление все еще не является приоритетным во внешней политике Турции, что означает продолжение некоторой рефлекторности в выстраивании отношений с тремя государствами этого пространства.

³⁵ Совместная пресс-конференция Д.Медведева с президентом Турции А.Гюлем 12 мая 2010. Официальный сайт президента России <http://news.kremlin.ru/transcripts/7722>